

Василий ДВОРЦОВ

РУССКАЯ ПРАВДА ЕРМАКА

Эссе

Срамно <...> видеть, что имеющие в виду наслаждение вечными благами роются в прахе земных вещей...

Преподобный Нил Синайский

Почему Ермак? Кто он, откуда, какой он – этот эпический герой, которому выпало направить всемирную историю в настоящее?.. Почему Ермак?..

На чтениях, круглых столах и конференциях, посвящённых нашей художественно-исторической литературе, мне не раз доводилось озвучивать крамольную убеждённость в том, что написанные в последние лет двести русские литературные произведения, повествующие об исторических событиях и героях Отечества, как правило, исторически несостоятельны. И, выслушав очередные гневные отповеди и обвинения в непатриотизме, в непонимании воспитательного значения, а возможно, банальной зависти, пытаться объяснить коллегам их неправоту. Ведь если подумать, то проблема псевдоисторичности даже в лучших художественных образцах, к тому же из-за пафосной тематики родинолюбия, действительно наличествует. Проблема системна, то есть воспроизводится из поколения в поколение, при всех общественных эстетических и этических переменах. Эта проблема, очевидно, не литературная и не идеологическая, так что не выявляется и не вычищается литературной или партийной критикой.

Исторический роман или повесть, историческая поэма или драма, конечно же, всегда и обязательно основываются на реальном историческом материале. Реальные события, реальные участники реальных событий, реальные подробности быта реальных участников реальных событий... И совершенно правильно, когда писателем восхваляют за панорамность битв и градо-

строений при обилии проработанных мелких деталей, хвалят за филологические изыскания и фольклорно-диалектную стилизацию, за церемониальную и ритуальную точность. Но славословят авторов ещё и за идейное, даже политическое созвучие описуемых действий прошлого нашей современности, за тождественность мыслей, чувств и убеждений исторических героев и сегодняшнего читателя. Что, увы, зачастую (да что там – практически всегда!) превратно, неверно да просто невозможно.

Здесь мы опять упираемся в зашоренность проиезуитской историографической парадигмы, в которой христианское, а тем паче православное мировоззрение русского человека и русского народа как мотивационная доминанта жизнедеятельности даже не рассматривается. Отсюда все трактовки и логические построения вариантов протечения исторических процессов через реперные научно подтверждённые факты неубедительны, ведь главным в истории вообще и в историях конкретных всегда был, есть и будет человек, а всё остальное: климат, ландшафт, экономика, технологии – ступени вниз.

Глубокоуважаемые доктора наук, профессора, академики, прикладные археологи и кабинетные историографы, именно в этой сходной точке – проблеме реконструкции идейной и чувственной рефлексии, образа мыслей, характера героя или этноса, своими действиями определивших направление развития истории, вы и мы, поэты, прозаики, драматурги, совершенно едины. И мы можем на собственном примере вам показать: воссоздание истинных мыслей, реакций, действий верующего героя, тем более верующего абсолютно, безвариантно, неверующим автором невозможно. Честно говоря, это невозможно и для верующего писателя, но верующего как-то так, вне церкви, не пережившего несколько сот литургий и всемогущих, не постыжающегося и не трудничающего в монастырях, просто не понимающего, как можно страдать без исповеди, без причастия и иных таинств. Не пережившего благодати молитвенной соборности и не познавшего лично отклика святых на свои тайные сердечные мольбы.

Об этом трудно говорить, ибо это вызывает понятный эмоциональный протест людей, воспитанных в проиезуитских шаблонах толкования истории, но... Большинство великих художественных произведений, написанных на исторические темы за последние двести лет, –

лжесвидетельства. Увы, никакой самый-самый патриот-великодержавник, самый искренне русский отчизнолюбец, литературно талантливым и исторически начитанный, но при этом невоцерковленный писатель не создаст правды о Владимире Святославовиче, Александре Невском, Василии Тёмном, Борисе Годунове, Скопине-Шуйском, а уж насколько исторически фальшивы и даже кощунственны (потому-то столь растиражированы) романские и поэмы портреты преподобного Сергия, патриархов Еромогена и Никона!

И Ермака.

«Ко славе страстию дыша, в стране суровой и угрюмой, на диком бреге Иртыша сидел Ермак, объятый думой...» – ну не поэтические изыски или ляпы оценивал Пушкин, нацарапав на полях рылеевской «Думы», изданной в 1825 году: «Дрянь» и ниже уточнив: «Совершенная дрянь». Александра Сергеевича, только что закончившего работу над драмой «Борис Годунов», буквально взбеленила пошлость либерально-материалистического толкования трагичного сибирского похода как похода за... паблисити: «Товарищи его трудов, побед и громозвучной славы <...> С рассветом глас раздастся мой, на славу иль на смерть <...> сладкий сон – в мечтах напомнит славу он...» За год до смерти Пушкин, уже имевший опыт архивных и экспедиционных изысканий, автор «Истории пугачёвского бунта», начал собирать материалы по Ермаку, выписав всевозможные документы из Тобольска.

Запущенная в начале XIX века масонско-декабристская литературная ермакиада, трактовавшая образ русского православного героя этаким дерзким и алчным авантюристом, лихим искателем славы, добычи и – как же! – свободы от душащей всё прогрессивное царской тирании, в советское время закрепились доктриной «стремление на Дон и за Урал – стихийный народный протест». Так Ермака начально масоны-декабристы, за ними либералы-разночинцы, далее – идеологи-троцкисты и советские и антисоветские писатели-патриоты эстафетно упорно вписывали и вкореняли во всё тот же антихристианский революционный иконостас, в один «пророческий» (ведь «далеки они были от народа») ряд с душегубом, насильником и грабителем Стенькой Разиным. С кровавым упырьём Булавиным и лжецом-самозванцем Пугачёвым.

Параллельно с того же XIX века внешние (а как же без иезуитов?) и внутренние (а как же без

их учеников?) русофобские силы столь же упорно память о походе Ермака стали связывать с колониальными экспедициями конкистадоров Писарро и Кортеса, уничтоживших мир инков и ацтеков. Именно в этом духе – духе цивилизационного превосходства – написана очень красивая, но исторически совершенно наветная, даже клеветническая картина Василия Сурикова.

* * *

Рассуждение – это руль, который ведёт <...> безопасно, не позволяя уклоняться с прямого пути ни направо, ни налево.

Преподобный Паисий Святогорец

Ермак-Василий Тимофеевич Оленин.

Почти до конца XVIII века в России имя, получаемое при крещении, оставалось в зоне сакральности, употребляемо было лишь в церковных практиках и только отчасти в официальных документах. Личное же имя – рекло, назвище, прозвище, сегодня рудиментно живущее в школьных, уголовных, армейских и иных корпоративных кличках, было общеупотребительно. Отражало ли оно его личные качества, несло ли наследные родовые черты внешние и внутренние, оно могло и обязательно менялось – первое детское, семейное, затем взрослое, и профессиональное, и уточняющее характер.

Ермак. Точнее бы звучать «ермэк» – от тюркского «эр», «ер» – единица. То есть Ермак – это одиночка, человек, не имеющий семьи. Пославянски – бобыль, бездомок. Или же инок – живущий иначе, не как все. Отсюда нарицательное «ермак» – маленький походный котелок на одного едока, в отличие от общего, дружинного казана.

Почему Оленин, а не Аленин? Так уж до XVII века писалось. До печатного станка каллиграфия титульной «А» и «О» трудно различалась.

Версии же о времени рождения и месте происхождения Ермака-Василия столь различны, противны друг другу и равно малоубедительны, что истина здесь возможна не в «преданиях старцев», а в доказательствах логики. Логике жизни и смерти, где смерть обстоятельствами, мотивами, противлением ей или смиренным восприятием – куда большая важность, чем рождение.

Именно в логике произошедшего много позже и оставившего материальные доказательства мы должны признать версию рождения Василия

Оленина на Северном Урале. Никакой пришлый донской или волжский атаман не смог бы за пару месяцев спланировать военную операцию, которую блестяще, практически без накладок провёл в течение следующего года. Косвенно принадлежность к родине Чусовой подтверждается тем лёгким схождением Ермака в качестве представителя Белого царя с повелителями угорских и тюркских родов Оби, Иртыша и Тобола, где его не восприняли экзотическим иностранцем. И портретом, переданным Ремизову его дедом, участником того славного похода: «Вельми мужествен, и человечен, и зрачен, и всякой мудрости доволен, плосколиц, черн брадою, возрастом середней, и плоск, и плечист». «Плосколиц», «черн брадою» – это же от матери-вогулки.

Действительно, нельзя, невозможно спланировать рейд с целью захвата столицы и убийства владыки пусть рыхлого населением, но территориально огромного Сибирского юрта, опираясь только на проводников, без личного знания всех сложностей, всех тонкостей прокладки маршрута, просто поражающего тактической привязанностью к местности. Какой волжский или донской атаман смог бы простроить тысячевёрстовый поход по осенне-мелким, с волоками-перетасками речкам, да так, чтобы не потерять ни одного плоскодонного струга, ни пуда пороха и свинца, ни меры муки? Какой прибылой военачальник смог бы заложить тайную зимовку для восьмисот бойцов, чтобы не нашли, не заметили местные охотники и рыбаки и не оповестили своих князей?

Сохранить в тайне зимовку восьмисот человек – это действительно неразрешимая загадка для несибиряков. Даже если разбить отряд на три-четыре стана, то всё равно получают слишком большие таборы, чтобы к весне они не выдали себя... Но ответ возможен – ялпын-ма. Священные земли, запретные для посещения, прохождения, а тем более для охоты и рыбалки, тайные урочища, горы, берега озёр и рек. Ни ханты, ни манси, ни даже татары, если они не шаманы, никогда не заходили в ялпын-ма. Даже приближение к их границам сопровождалось обязательными жертвоприношениями, отводящими порчу мстительных духов. Мог ли дончак или волжанин знать про эти места – излучины, лощины, сопки и останцы, а главное, знать, где эти места, о которых каждый род, сохраняя своё здоровье и жизнь детей, умалчивал даже от соседей? Мог ли пришлый заранее, без карт

наметить зимовья в практически недоступной тайге?

А зачем Ермак вообще заложил столь сложную стратегию набега со столь сложным маршрутом? Мелкие реки, скрытная зимовка...

До ермаковского похода Строгановы уже лет десять – пятнадцать находились в состоянии вялотекущей войны с уральскими и сибирскими вогульскими, хантыйскими и татарскими князьками и беками. Впрочем, такие же мелкие боестолкновения постоянно происходили и меж зауральскими племенами и родами. Постоянно и многовеково. То и дело археологи находят-раскапывают останки мощных деревянных, с земляными валами крепостей X–XV веков, в которых на зимовку запирались полукочевые летом семьи остяков и пельымцев. Запирались от стужи, от соседей и заходящих из тундры лыжников-ненцев, снимающих скальпы со всех, кого им удавалось убить и ограбить. Несколько сот наёмных казаков и «немцев», выкупленных из рабства у крымского хана мушкетёров и пушкарей, венгров, итальянцев, германцев, поляков и от иных народов солдат удачи располагались Строгановыми по заводам и шахтам, отпугивая и отбивая налёты небольших ватаг мародёров.

100

Однако с укреплением власти Кучума набеги эти становились всё масштабней и по количеству и организованности нападавших, и по жертвенным последствиям для русского населения. И вот наступил год, когда Кучум собрал под своим бунчуком практически всех подданных: десятитысячный тумен, возглавляемый племянником Кучума молодым царевичем Мухаммед-Кули (Махмуткул), на сотнях больших дощатых лодок с головами змей, напоминающих шнеккары викингов, на тысячах долблёных обласков, собравшихся с притоков Иртыша и Оби, плыли на русских уже не ради нанесения тревог и обид, а на вытеснение, изгнание. Плыли под дудки и бубны, под разноголосые песни и боевые выкрики. На зорях кричали муэдзины, у ночных костров камлали шаманы: на войне не до межрелигиозных споров.

Для того чтобы отбиться от такого войска, необходимо было встречно выставить хотя бы пять-шесть тысяч. Но ведь всё опричное стрелецкое войско в максимальном своём наборе было не более десяти тысяч.

А Строгановы и вовсе отправили в поход во семьсот пятьдесят. К тому же надо учитывать,

что и Москва, и Казань с Астраханью, и Бухара с Тюменью – осколки единой Орды, то есть принципы войсковой стратегии у всех были одинаковы, всем знакомы. И смесь древесного угля, серы и селитры, то есть порох, особо эти принципы не меняла. Конечно, пушки, завезённые в Европу из Китая Батыем, изменили тактику осад и взятия крепостей, хорошо они зарекомендовали себя в передвижных крепостях – гуляй-городах, непереоценимы оказались в морских и речных сражениях. Но фитильные ручницы и пищали вымещали луки из пехотного боя с большим трудом. Это сделали уже кремнёвые ружья и пистолы в конце XVII века.

Тем более что в Сибири царствовало феноменальное в своём совершенстве орудие смерти – композитный селькупский лук. Этот лук наравне с пушницей шёл ценнейшим ясаком: сложносоставной, склеенный рыбьим клеем из четырёх пород дерева в форме соединённых рукоятью дуг, с роговой накладкой под руку и обтянутый от размокания берестой. Он не сгибался при натягивании тетивы, а сжимался своими разнесёнными полукружиями и бил дальше и точнее не только фитильного, но даже кремнёвого ружья, необсуждаемо обходя их в скорострельности.

***

Нести крест – значит быть готовым к опасностям <...> и ежедневной смерти...

Святитель Иоанн Златоуст

Десять тысяч воинов огнём и мечом прошили по «московским» осякам и вогуличам, захватили и разграбили несколько русских укреплений, вплотную подойдя аж к Перми. В то же время за спиной у Строгановых по Вятке и Каме уже пять лет кроваво кипело восстание черемисов и чувашей, к которым присоединились взбунтовавшиеся казанские татары, так что Казань, Чебоксары и Свияжск были заблокированы. А на юге хан Сибирского юрта Кучум заключил с беем Большой Ногайской Орды Исмаилом договор о военной помощи против московского царя. Хотя оба числились данниками России, но как же соседям было не воспользоваться тем, что их повелитель завяз на северо-западе? И если черемисы, казанцы и сибиряки уже заявили о своём намерении, то ногайцы мялись, якобы дожидаясь повода для объявления войны.

В таком раскладе даже странно, если казаки атаманов Барбоши, Кольца и Черкаса напали на ногайское посольство нечаянно, случайно.

Итак, англичане в Сибири, у Кучума. Хан посылает не мелкую свору грабителей, а максимально возможное для него войско в десять тысяч – на Пермь. Черемисы, чувашаи и волжские татары выжигают русские поселения по Каме, Вятке, пытаются отбить Казань. Большая Ногайская Орда заготовилась ударить на Астрахань.

В сложившейся геополитической ситуации совершенно понятно, что, какое бы количество наёмников Строгановы ни осилили, без государственной помощи отстоять русское присутствие на Северной Двине, Каме, Вятке, Оби, Иртыше и Тоболе им даже не думалось. Но практически все боевые и технические возможности Иоанна Васильевича были уже два десятилетия увязаны в Ливонии, растянуты от Пскова до Чернигова. Так что срывааемые с бесконечных фронтов малые отряды не могли загасить бунты черемисов и казанцев, замиряя местных ханов лишь на краткое время.

Вот так крошатся, осыпаются в пыль двухсотлетние окаменелости проиезуитской историографии: «покорение Сибири Ермаком» и «завоевание Сибирского царства». Да о каком завоевании бескрайней неведомой страны можно говорить, о каком покорении десятков самовольных князьков, ханов и биев, имеющих свои крепостцы, знающих свои земли и реки как пять пальцев да ещё обладающих достаточным боевым опытом для их защиты? Это как же такое можно замышлять с восемью с половиной сотнями сердюков и десятком пушечек?! Столь же безумно рассуждать об алчной строгановской авантюре с проплатой воровского похода за тысячу вёрст ради собольих и беличьих шкур.

В 1582 году на подавление черемисского бунта посылались и князь Воротынский с Хворостининым. Однако московские полки попали в метель, надолго увязнув обозами в бездорожных снегах и упустив разбойников. Кажется, это было единственное задание, не выполненное великими полководцами. И урок: без местных проводников и помощников войска слепы и глухи.

Я следую версии историка Руслана Григорьевича Скрынникова: Ермак-Василий Оленин десять лет отвоевал под знамёнами великого стратега-победителя князя Дмитрия Ивановича

Хворостинина – с битвы при Молодях 1572 года по 1581 год, когда «сотника Ермака Тимофеевича, атамана казацкого» в докладе королю Стефану поминает комендант Могилёва Стравинский. И вот почему. Упоминание по отчеству – признание пожизненного дворянства: в те времена сотнику присваивался статус «боярского сына», только выслужить таковой было ох не просто – не только участием в боях и походах, но и особыми заслугами, и не за один год.

Так что где-то здесь, на Вятке или Ветлуге, объяснение тому, почему именно Ермак командирован из воюющей армии на Яик нанять провинившихся казаков для похода на Кучума: Дмитрий Иванович Хворостинин и Аника Феодоров сын Строганов были опричниками первого набора, братией «малой опричнины», доверительно знавшие друг друга, и потому прямое, личное прошение сыновей покойного Аники к князю о толковом, опытном, смелом и умном военачальнике для организации спецоперации по уничтожению подлого супостата было очень даже возможно.

Почему Строгановы обратились с предложением не к самому царю, а к его воеводе? Точнее, почему воевода не перенаправил их прошение к царю?.. Ну, очень возможны для того и личные причины: по любимому черемисскому преданию, Иоанн Васильевич в гневе за упущенных в метели бунтарей приказал князьям Воротынскому и Хворостинину надеть бабские одежды и сеять муку. Было, не было? Но проваленный карательный рейд вряд ли располагал усугубить царское недовольство докладом-ябедой о зломыслии Кучума и коварстве англичан, которым черемисский бунт был тоже на руку. Бабьим платком и ситом можно было и не отделаться. Другое дело – попробовать рискнуть, дерзнуть и дело исправить: разрушить многосложный заговор одним точечным, ножевым ударом в сердце изменщиков. А уже потом и доложить об успехе.

Только многолетняя царская служба логизирует последующее поведение Ермака. Ну не был он вожак-атаманом вольных яицких-волжских-донских казаков, не желавших служить царю. Однако удобно из-под щита российской армии промышлявших разбоем вдоль границ с Персией и Османской империей. А порой за мзду и дуван равно легко нанимавшихся хоть к крымскому хану, хоть к польскому магнату. Сот-

ник же и боярский сын Ермак-Василий Тимофеевич Оленин убеждённо, умом и сердцем являлся верноподданым государевым слугой. И как доверенный человек князя Хворостинина, взявший за пределами опасное поручение, дело практически смертное, он не мог не быть ответственным именно религиозно.

Кроме десятилетнего боевого опыта и командной выучки в регулярных опричных войсках сотник Ермак-Василий с детства-юности не понаслышке знал Чусовую, Сосьву, Конду, Пелым. Что являлось просто обязательным для стратегического планирования и тактического исполнения неисправимого в случае какой-либо ошибки похода.

При всём том Ермак – атаман казацкий. То есть голова, старшой и вожак, избранный на воеводство товарищами по оружию. Такой знак народного доверия важен был в переговорах по найму охотников из числа провинившихся казаков, никого из государевых людей не признававших и уже почти отчаявшихся смертников. И сработало: две казачьи станицы – 250 сабель Ивана Кольца и 200 Александра Черкаса пошли за Ермаком и были прощены и награждены царём. А вот отказавшуюся «воровскую» станицу Богдана Барабоши стрельцы казнили всю без пощады, дабы повиниться за побитых послов перед беем Большой Ногайской Орды, чем лишить того повода к объявлению войны.

Итак, двинувшись мелкими реками, чтобы разойтись с туменом Мухаммеда-Кули, скрытно перезимовав и по весеннему полноводью пустив ладьи чайками, отряд Ермака неожиданно для Кучума вышел к сибирской столице.

***

Если бы человек всегда в мысленной части держался здравого смысла, а в деятельности благоразумия, то встречал бы в жизни наименьшую долю случайностей, неприятных сердцу...

Святитель Феофан, Затворник Вышинский

Не будем разбирать историю всей кампании, разберём лишь то, что произошло на Чувашском мысу, и оттолкнёмся от знаменитейшего полотна великого художника Василия Сурикова «Покорение Сибири Ермаком Тимофеевичем», которое наравне с репинским «Царь Иван Васильевич Грозный и сын его Иван» стало художественным

символом, условным знаком нашей российской-езуитской историографии.

В 1895 году картина была выставлена на публику, и автор получил заслуженные хвалы за талант и мастерство, а также звание академика и невиданный сорокатысячный гонорар от императора. Но в один из дней выставку Товарищества передвижников посетил другой русский гений – Василий Верещагин. Человек, повидавший не одну войну, в чине прапорщика участвовавший в кровопролитной обороне Самаркандской цитадели, за что удостоился ордена Святого Георгия, перед картиной он долго и тяжело молчал. Потом, резко развернувшись, негромко буркнул: «Кремнёвые ружья только через сто лет появятся» – и вышел.

Конечно, можно Сурикову предъявлять упреки в дилетантски поверхностной военно-исторической подготовке к написанию эпического полотна. Можно улавливать на незнании того, что остяцкие богатыри, выходя на битву, надевали доспехи из лопатин лосиных рогов, что боевые топоры вогулов наводили ужас на архангелогородцев и даже шведов, а примитивные детские луки с почему-то растрепанными стрелами, которые автор вложил в руки сибирских воинов, использовались только в охоте на белку и щуку... Но ведь гениальный художник Суриков нимало не ленился, он же столько сил и времени потратил на изучение материалов, написал десятки и десятки этюдов, посещал музеи, читал! И что? И почему такие ляпы и оплошные искажения?

А дело в том, что читал он, а потом, исходя из прочитанного, отбирал нужное замысленному в полном подчинении господствовавшей тогда (и господствующей ныне) цивилизационной доктрине. Суриков, сам не осознавая того, отдавал все свои силы, талант и мастерство исполнению заказа от «общественного мнения», воплощая в красках заложенные некогда аббатом Шарлем Николя и его братьями по Ордену представления о примитивности азиатских варваров и европейском превосходстве колонизаторов. Отсюда эта умбристо-чёрная гамма хаотично копошащейся человеческой массы, цветом и тоном сливающейся с мокрой глиной откоса. И гипертрофированная эмоциональность аборигенных лиц, точнее – застывших масок страха и злобы античного театра. Масок-слепков с умерших.

При всей абсурдности композиции с точки зрения реальности боевых действий главная

идея картины читается всеми, сразу и однозначно: удар громонесущей, порохотучной монолитной богатырской дружины не встретит никакого сопротивления. Не может встретить: несколько пушечных и пищальных выстрелов – и тысячи дикарей тут же разбегутся по своим лесам и болотам.

Сергей Соловьёв, «История России с древнейших времён»: «В то время как на Средней Волге и Нижней Каме *дикие народцы* (выделено мной. – В. Д.) делали последние отчаянные усилия, чтоб высвободиться из-под русского подданства, в то время как на Западе Польша и Швеция благодаря личным достоинствам Батория успели соединёнными силами оттолкнуть Московское государство от моря, успели отнять у него возможность ближайшего, непосредственного сообщения с Западною Европою, возможность пользоваться плодами её образованности, необходимыми для скорейшего и окончательного торжества над Азиею, – в то время движение русского народонаселения на северо-восток не только не прекращалось, но усиливалось всё более и более, и русский человек перешёл наконец через Уральские горы».

Вот именно так от Карамзина и до сих пор российским школьникам российские учителя читают: «В трактовке художника это событие представлено как народный подвиг, художник подчёркивает неразрывную связь русских воинов с их предводителем <...> осеняя дружину Ермака этим знаменем, Суриков тем самым как бы передаёт ей эстафету многовековой борьбы русского народа против татар...» Какую эстафету, против каких татар?! Которые в конце августа 1598 года догнали в устье Ирменя, окружили и, плечо в плечо с русскими, разбили остатки кучумовского отряда? И где на картине хоть один из трёх священников, вышедших в дальний и отчаянно рискованный поход для духовного окормления воинов, готовых к смерти в любой день?

За 438 лет очертания берега у Чувашского мыса под Тобольском, конечно же, сильно изменились. Однако сам характер подмываемого крутого левобережья всё тот же: высокий подковообразный обрыв протяжённостью в несколько километров сдерживает напор весенних разливов.

Сколько воинов успел собрать Кучум? Появление русских челнов в такой глубине неоглядного Юрта, в двух-трёх переходах от столицы,

103

вызвало естественный шок, и рассчитывать на призыв оборонцев, ляпинцев, казымцев, бардаковцев, а тем более Пегой Орды не приходилось. Даже если успевали белогорцы с кондинцами и пельымцами, вряд ли под стенами Искера набиралось более трёх тысяч его защитников.

Для того чтобы прицельно и множественно стрелять в наступающего противника, лучникам, каковые составляли основную массу сибирского войска, необходимо было растянуться в пятидесятирядную шеренгу. Так, чтобы фланги находились на расстоянии полёта стрелы, это 250–350 метров, и могли поддерживать друг друга. Невероятно, чтобы часть стрелков оставили на обласках под ярмом на бессмысленную смерть. Правильнее было выстроить всех по-над обрывом, чтобы иметь возможность быстрого передвижения шеренги вправо-влево, в зависимости от точки десантирования противника. За спинами лучников по центру располагалась вооружённая копьями, топорами, саблями, защищённая доспехами и щитами пехота, прикрывающая ставку, а на флангах ждали своего времени отряды всадников.

И вот вопрос к адвокатам Сурикова: каким образом численно почти трёхкратно уступающий противнику отряд Ермака мог под обстрелом лучников пришвартоваться, штурмом взять обрыв и только после того вступить в прямой ружейный и рукопашный бой? Напомню, что селькупский лук пробивал лёгкий доспех – тегияль и даже кольчугу с двухсот шагов. Пусть он был не у каждого, но и из обычного охотничьего тренированные лучники на 100–150 шагов точно поражали незащищённые места. При том что за те две секунды, пока первая стрела достигала цель, за ней вылетали ещё две-три, а то и четыре.

Поймём же возмущение Верещагина: если бы на Чувашском мысу всё происходило согласно Сурикову, то буквально через три-четыре минуты по Иртышу поплыли бы, безвольно кружась под завалившимися хоругвями струги, переполненные убитыми и умирающими казаками, плотно истыканными тысячами и тысячами стрел...

Первое огнестрельное, тем более фитильное оружие не применялось без защиты, пушкари и пищальщики вели оборонительный бой только из-за фортификационных сооружений: долговременных (крепостных стен, тынов, валов) или полевых передвижных (тяжёлого, на гужевой тяге гуляй-города и лёгкого град-обоза).

Вести бой наступательный или тактически-манёвранный стрелы и мушкетёры смогли только с изобретением ударно-кремнёвого замка и порохового дозатора-патрона в XVII веке.

Однако в полевых условиях, если не предвиделось противостояние тяжёлой кавалерии, стрелы также использовали ручные щиты: прямоугольные, с откидными опорами, они полностью закрывали стоящего человека. В конкретных случаях (из липовых досок или плетёные ивовые, с покрытием дублёной кожей) щиты весили от десяти килограмм, так что их, как правило, несли сами пищальщики либо, если щиты были больших размеров и усиленные, выделялись специальные несуну-«защитники».

Причалить и высадиться ермаковцам необходимо было там, где угол наклона и высота обрыва позволяли споро выйти наверх, дабы успеть построиться в боевой порядок, прежде чем кучумовцы подойдут на выстрел. А если противник не начнёт сближение, то атаковать самим. Боевое построение для атаки на шеренгу лучников – «черепаша». От гоуплитов античных времён до спецназа современной Росгвардии – это единственная защита от метательных снарядов: при достаточной тренировке отряд свободно маневрирует, закрываясь по периферии и сверху плотно сдвинутыми щитами.

На каждого бойца в ермаковской дружине приходилось по две пищали. Пусть часть оставалась на лодках, для защиты пушек и припасов с реки, основной атакующий отряд на расстоянии двухсот шагов от неприятеля должен был по возможности развернуть фронт для стрельбы. Конечно же, растянуть не на двести метров, но... Первый залп в 600–700 стволов кроме поражения прямо стоящего противника давал хорошую дымовую завесу, позволяющую продолжить сближение. А вот на втором залпе, со ста шагов и менее, пищаль уже имела существенное преимущество перед самым мощным луком: выпущенная пуля пробивала два, а то и три тела. Конечно, если мишени не защищали колонтари и куяки.

Выбив огнестрелом у противника центральную часть, казаки, пользуясь ещё большим дымом, из-за оставленных щитов набегом вступали в рукопашный бой, в котором им не было равных. Сотня направо, сотня налево – не давая лучникам опомниться и перестроиться, основная же масса бросалась вперёд – сквозь заграду тяжёлой пехоты к ставке. Конечно, стра-

107

тегия и тактика не сёстры-близнецы, каждый конкретный бой складывался своеобразно. Но всякий раз в результате сражений (кроме западён-засад на рыбакащие или промышляющие лосей малые казачьи разъезды) военачальники-кучумовцы или мятежные князьки-вопречники брались в полон или гибли в несогласии сдаться. В этом несомненность военного гения избранного на сие «дело» царского сотника и казачьего атамана.

* * *

Положить душу свою – значит отречься от себя, отречься от своих стремлений к богатству, к наслаждениям, к чести и славе...

Святитель Лука Крымский

На взятие Ермаком Искера с восстановлением власти «крестьянского Белого царя» над обскими, иртышскими и томскими княжествами и ханствами первымотреагировал бей Большой Ногайской Орды Исмаил, тут же послав в Москву грамоту о вечной дружбе. Вместе с ногайцами подтвердили свою ясачность и башкиры. Сникли бунтари в Казани и Астрахани, потеряли задор и черемисы.

А когда беглый Кучум послал к родственникам и прежним покровителям в Бухару мольбу о военной помощи, то получил отказ: владыку Абдуллах-хана очень даже устраивало, что московский государь, войдя в Сибирь, пресёк готовящийся прорыв торговых кораблей из Европы в Китай, затеянный Кучумом в ущерб караванному пути. Чуть позже Абдуллах-хан известит царя Фёдора Иоанновича о начале новых добрых своих отношений с Россией. Прочувствовав с юга (с опытом Персии, Индии, Пакистана и Афганистана) нарастающий напор европейской колонизации, бухарские, самаркандские и ташкентские правители на сто с лишним лет дали русским «зелёный свет» для беспрепятственного продвижения на восток, но только севернее полустепных районов Шёлкового пути. И мы шли, шли, шли – Тюмень, Берёзов, Сургут, Мангазея, Томск, Кузнецк, Красноярск, Иркутск, Якутск... И вот уже наши станы в Русской Америке – Ново-Архангельск, Форт-Росс.

Конфликты в южных областях Сибири и в Центральной Азии у России начались при Анне Иоанновне Санкт-Петербургом ответом на просьбы казахов спасти их от ойратов: «Ежели

на вас, кайсаков, будут нападать неприятели, чтоб вы от того нашим защитением охранены быть». И затем, всё более запутываясь в сложнейших многовековых мотках, петлях и узелках хивинских, бухарских, туркменских, киргизских взаимных обид и родословий мести, русские в Азии пролили крови просто немерено.

«Отречься от себя, отречься от своих стремлений к богатству, к наслаждениям, к чести и славе...» Почему Ермак? Опять и опять: кто же он, этот царский сотник и казацкий атаман Ермак-Василий Тимофеевич Оленин, столь круто повернувший мировую историю в наше настоящее?

По занятии Искера русскими мирная жизнь в Сибири мгновенно не началась. И Кучум, бежавший с большой казной и имевший поддержку в исламизированных семьях князьков и биев, несколько раз пытался собрать коалицию для ответного удара. И не все вогульские князцы, побаваясь расплаты за набеги на Пермь и противление Ермаку, спешили присягнуть Белому царю. И обезглавленный некогда Кучумом Тайбугинский юрт, откочевавший к ногаям, тоже замечтал вернуться. Ибо всех смущала и соблазняла численная малость русского присутствия.

105

Отправив станичного атамана Ивана-Черкаса Александрова в Москву с пленными царевичами и скопившейся в ханском сарае за счёт неоплаченных ясачных лет пушниной, Ермак получил щедрую царскую милость для себя и прощение вины яицким казакам. Но высланные через год в помощь 500 стрельцов по незнанию иных дорог пошли по всё тем же мелким рекам, по которым Ермак обходил заслоны. В результате стрельцы бросили обозный груз, добравшись до Сибири без пороха, свинца, муки, одежды и прочего. И зиму не пережили, умерев все от холода и голода. А дальше со стороны Москвы наступило молчание.

Мартом 1584 года, приняв постриг с именем Иона, умирает Иоанн IV Васильевич Грозный. На трон вступил его третий сын, сын Анастасии Захарьиной-Юрьевой Фёдор I Иоаннович Блаженный, последний правитель рода Рюриковичей, по словам отца, «постник и молчальник, более для кельи, нежели для власти державной рождённый». И, как мы уже понимаем, канонизированный как «святой благоверный Феодор I Иоаннович, царь Московский», в российско-иезуитской историографии рассматривается,

конечно же, «ненормальным», «слабоумным», «вырожденцем»...

Николай Костомаров: «Царь Фёдор Иванович был чужд всего, соответственно своему малолуию. Вставал он в четыре часа, приходил к нему духовник со святою водою и с иконою того святого, чья память праздновалась в настоящий день. Царь читал вслух молитвы, потом шёл к царице, которая жила особо, вместе с нею ходил к заутрене, <...> в 9 часов утра шёл к обедне, в одиннадцать часов обедал, потом спал, потом ходил к вечерне...»

Василий Ключевский: «Царевич Фёдор вырос в Александровской слободе, среди безобразия и ужасов опричнины. Рано по утрам отец, игумен шутовского слободского монастыря, посылал его на колокольню звонить к заутрене. <...> он рос безматерним сиротой в отвратительной опричной обстановке и вырос малорослым и бледнолицым недоростком. Английский посол Флетчер: «В лице царя Фёдора династия вымирала воочию».

Ещё бы не привлечь «воспоминания» лондонского посла, изгнанного из России с закрытием Московской компании, то есть с закрытием английской монополии на торговлю русскими товарами за границей. С началом самостоятельных выходов русских купцов на Францию, Германию и Италию.

Ненависть отечественных историков к истории своего Отечества как к истории православного государства – Святой Руси и православного народа – народа-богоносца откровенно inferнальная. Природно-сатанинская. Ведь есть же свидетельство первого русского патриарха Иова, также прославленного в лике святых: в предсмертном томлении царь беседовал с незримым «великим Святителем», а в сам час кончины Фёдора Иоанновича по всем кремлёвским палатам ощущалось благоухание. Да только кому нужны удостоверения убеждённого опричника, ко всему прочему канонизовавшего Иосифа Волоцкого?

Ведь если непредвзято, без предубеждений, то почему бы рядом с иностранными источниками не проработать-проанализировать слёзные вопли летописцев Смутного времени о том, как при Фёдоре Иоанновиче и страна процветала, и люди были счастливы. И что никто не хотел никаких перемен, ибо народ знал наверняка: царь своею праведною молитвою спасает и направляет Россию. Ответ у современника святого бла-

говерного царя дьяка Ивана Семёнова: «Монашество, соединённое с царством, не разделяясь, взаимно украшали друг друга <...> И то и другое было *видимо только одним верным, которые были привязаны к нему любовью* (выделено мной. – В. Д.). Извне все легко могли видеть в нём царя, внутри же подвигами иночества он оказывался монахом».

Без перемены историографической парадигмы мы и далее обречены шаблонно-рамочно взирать на себя, на свой народ, своих героев, свою родину вражескими глазами. Глазами врага рода человеческого. И что бы ни мечтали о себе самые высоколобые витии, самые прославленные книжники и совопросники мира сего, они «преданием старцев» приговорены определять православные духовные нормы «юродством», духовную волю – «слабостью», духовный подвиг – «безумием». И никогда им не понять, как сотник-атаман Ермак-Василий Тимофеевич Оленин, идеально спланировавший и блестяще проведший спецоперацию по обеспечению для России мира с Востока, нежданно на три года принял для себя миссию государева наместника, точнее, «местного воеводы» величайшей страны, не имея для того никаких ресурсов, но – вот чудо! – примерно управился и с этим непредставимым для ратоборца испытанием. Принял, вник и справился – как ответственный религиозно.

***

Начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое.

Римлянам 13:4

С маленьким отрядом, сократившимся в результате полновесных боёв и мелких стычек с засадами, обморожений, болезней и несчастных случаев до пяти с половиной сотен бойцов, Ермак должен был не только удерживать столицу, но и по возможности развернуть и закрепить административно-властное присутствие Русского государства во всех сибирских родовых княжествах и ханствах. Как, чем и, главное, кем?..

Действительно, сибирские татары Тайбугины в своём правлении опирались на поддержку единокровников-ханов с их родовыми ополчениями, а бухарский шейбонид Кучум, хотя взошёл

на трон благодаря бухарским сарбазам и джигитам да и после не раз получал войсковую помощь, главную ставку делал на ислам, через веру отрывая местную аристократию от своих одноплеменников-простолюдинов. Тайбугины вели суды на основе традиций, Кучум – шариата. Но в любом случае у предыдущих повелителей всегда было достаточно нукеров и для обеспечения обычного сбора налогов, и для подавления вспыхивающих недовольств баскаками или бесерменами. То есть для устрашения и расправы. Ведь именно террором Кучум провёл перепись населения, когда менял общеродовой налог-тамгу на исламский закят «с дыма», то есть с семьи.

Проникшая вглубь неизведанных земель небольшая дружина славян, с довеском из фрязин, франков и прочих «немцев», одинаково чуждая для местных племён угров и тюрок, не могла, подобно Тайбугинам, использовать в своих интересах извечное для Сибири этническое противостояние. Исповедуемое христианство не позволяло ожидать какого-либо добродушия, тем более благоговейного уважения от упрямых язычников и мусульман-неофитов. А о русском терроре и геноциде «диких народцев» (выражении С. Соловьёва) нелепые пасквили стали измышлять опять же в XVIII веке, опять же в иезуитских школах: российских, польских, французских, итальянских...

Да подумать только: какой такой геноцид с «вылазной дружиной» в две-три сотни человек! Ужаснуть, надругаться, нанести кровавую обиду, а далее мирно принимать в крепости гостей, поставщиков продовольствия, послов с дарами и самих родовых князьков с данью для Белого царя и просьбой о личной дружбе? С прошениями о правдивом воеводском суде меж граничными соседями?.. Инфернальная русофобия.

В шорах двухсотлетней прогрессистской историографии недопустимо, абсурдно, казусно: ну не мог, не должен был Ермак из своих отчаянных стрелков и рубак создать администрацию для неоглядного региона, населённого столь разбросанно и разнородно! Казаки-башибузуки и иноземные солдаты удачи годились для войны, но поручить им дьячие и подьячие дела? А остальных поставить в приставы, надельщики, рассыльщики и иные приказники?..

Наместники и сменявшие их местные воеводы утверждались царём и Боярской думой на два-три года. Как правило, это были отставные служилые люди: родовые бояре, дворяне и вы-

служившиеся дети боярские. За оклад, дабы не торговали и не побирались, воеводы вели военные и управленческие, стражные, судебные и налоговые дела, руководя приказными избами и столами. Отвечали воеводы даже за писцовые книги, в которые для финансовых отчётов в Москву собирали описания земель по их количеству и качеству, доходности и повинности населения. А ещё висели на них заботы о пополнении пороховых, дровяных и съестных припасов с описью. Притом наказания и указы из центра зачастую присылались с таковыми уточнениями: «как буде пригоже», «смотря по тамошнему делу», «как Бог вразумит».

И это не курьёз времени, не глупость (прозрейте, костомаровцы-ключевцы-соловьёвцы!) безграмотных дьяков и ленивых писарей приказной избы: при тогдашней неразработанности государственного законодательства нехватка законов гражданских и уголовных восполнялась законами веры. В пределах русской власти – законами Евангелия и совести. Так что православное государство продуманно и вполне рационально полагалось на богобоязненную рассудительность своего православного представительства. И та православная совестливая рассудительность в местах тюркских, угорских, черкесских, мусульманских, буддийских, языческих воспринималась как закон крестьянского Белого царя, принималась как суд убедительно-праведный.

Справедливость Белого царя и была главной опорой Ермака в правлении Сибирью. Единственным ресурсом обеспечения его власти была Русская правда.

Война как густейшая сосредоточенность болей, скорбей и страхов беспощадно проявляет человека. В походе и боях невозможно притворяться, лгать и утаивать, скоро всем всё становится видно и бесспорно понятно. В этих общих на всех болях, скорбях и страхах очерчивается круг отвечающих друг за друга и полагающихся друг на друга. Круг тех, кто думает, действует и говорит: мы.

А ещё война возводит во власть истинного лидера. Нет более чтимого и доверенного вождя, кроме того, кто брал на себя боли, скорби и страхи своих дружников. Кто был равен с ними перед смертью, но вывел их в жизнь. Он ось, во круг которой и очерчивается *мы*. *Мы* кристаллизуется лидером. И помешать тому, клеветой,

глумлением и фальсификацией надругаться над памятью, дабы подорвать в настоящем и будущем само только вероятие объединения православного народа вокруг православного лидера... Пересмотрите школьные уроки истории...

Преображение вольных казаков и наёмников в верноподданных государевых слуг – ещё один, религиозный подвиг Ермака-Василия Оленина. Доверие, перешедшее в веру с совершенным послушанием, преобразование сознания людей, ох своевольных, ох негибких, – так, что, исполнив обещанное на Чусовой и получив долю добычи с копья, не разбежались они по своим путям-дорожкам, а остались, продолжили дружинное служение на сибирской украине, – это подлинное чудо. Не в силе Бог, а в правде. Ермаковцы продолжили гибнуть от подлых засад и заманных предательств, от лютых холодов, без-

временных метелей, от цинги. Но держались друг за друга, держались друг другом. Умирая друг за друга, жили друг другом. Чем вызывали уважение и благоговейное признание их силы у местных народов. Силы их Бога.

«Так да светит свет *ваш* пред *людьми*, чтобы они *видели ваши* добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:14–16). Первый архиепископ Тобольский и Сибирский Киприан повелел записать в синодик соборной Софийской церкви для ежедневного поминовения имени Ермака-Василия и всех его товарищей, принявших смерть в Сибири. А в неделю православия соборному протодиакону велегласно возглашать им вечную память.

Помянем своих героев и мы.

Полный вариант эссе читайте на сайте «Огни Кузбасса» (www.ognikuzbassa.ru).

